

«Делегация доктора Сунь Ятсена» в Москве и шанс генерала Чан Кайши

© 2012

А. Юркевич

Автор полагает, что переломным моментом в карьере Чан Кайши, который в начале 1920-х гг. не имел значительного авторитета в политических и военных кругах Китая, стало руководство «делегацией доктора Сунь Ятсена», посетившей Москву осенью 1923 г. Успешное выполнение миссии помогло Чан Кайши занять пост начальника военной школы Вампу и впоследствии создать военные части под своим командованием.

Ключевые слова: Китай, сотрудничество СССР и Гоминьдана, советская военная помощь Китаю, Сунь Ятсен, Чан Кайши.

Осенью 1923 г. Москву впервые посетила делегация, представлявшая политическую силу, которой в течение ближайших десятилетий было суждено оказывать определяющее влияние на государственное развитие Китая. Формально делегация выступала не от имени коллегиального руководства партии Гоминьдан, а от лица Сунь Ятсена как главы Гоминьдана и южнокитайского правительства. Но в силу «вождистского» характера этой партии харизматический лидер всецело определял ее идеологию, программу и ближайшие планы.

В советской/российской литературе принято в целом высоко оценивать значение этого визита для налаживания альянса Москвы и Гоминьдана.

А.И. Картунова в первой отечественной публикации, описывавшей данное событие, показала, чего в первую очередь ожидали от визита советские руководители. Один из членов делегации, Чжан Тайлэй, член КПК¹, отвечая на прямые вопросы работника аппарата наркомата иностранных дел М.И. Барановского, заверил его в том, что изучение опыта СССР доказало делегации важность подготовительной политико-организационной работы, в результате чего в Гоминьдане будет ослаблено влияние «военной группировки»², настаивавшей на приоритете чисто силовых акций³. Н.Л. Мамаева видит важный результат визита в знакомстве делегации «с деятельностью Красной Армии, ее организационными и политическими структурами, достижении договоренности о получении помощи по военной линии»⁴, а также в том, что высказанная делегацией позиция по ряду политических проблем помогла Президиуму ИККИ скорректировать свою Резолюцию по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и о партии Гоминьдан от 28 ноября 1923 г., врученную представителям Сунь Ятсена для передачи руководству Гоминьдана. Ю.М. Галенович делает упор на весомость личного вклада в успех переговоров главы делегации – Чан Кайши, будущего лидера Гоминьдана, как «личного представителя фактического главы государства из Китая»⁵.

Имеющиеся к настоящему времени исследования, а также опубликованные документы и материалы⁶ позволяют уточнить историческое значение этого визита и его влияние на последующие отношения Москвы и Гоминьдана.

Предваряя такие уточнения, отметим, что «договоренности о получении помощи по военной линии» были достигнуты и документально зафиксированы еще задолго до приезда делегации Сунь Ятсена⁷. Осуществляться эти договоренности начали уже в период пребывания миссии в Москве: осенью 1924 г. в Гуанчжоу прибыли первые советские военные советники и М.М. Бородин, ставший личным советником Сунь Ятсена и политическим советником ЦИК Гоминьдана. Через каналы связи советнической группы с полпредством в Пекине и Москвой Сунь Ятсен мог получать всю необходимую ему информацию и согласовывать с советским руководством свои военные и политические проекты. И все же лидер Гоминьдана считал нужным направить в СССР своих личных представителей.

При этом следует учесть, что Москва в то время была занята налаживанием официальных отношений с правительством Китайской Республики в Пекине, тогда как «государство», возглавлявшееся Сунь Ятсеном, не имело шансов на дипломатическое признание, державы общались с его властями на уровне консульских чиновников, как с любой местной администрацией, а его территория занимала около трети площади одной из 18 провинций Китая. Самого Сунь Ятсена советские вожди воспринимали в качестве лишь одного, хотя и ближайшего, кандидата на роль политического союзника в этой стране. Номинально второе, после больного Ленина, лицо в руководстве СССР — председатель Реввоенсовета Л.Д. Троцкий был вообще против направления к Суню военных специалистов⁸ и всячески пытался избежать встречи с делегацией, хотя на этом настаивал наркоминдел Г.В. Чичерин, через аппарат которого, как и через аппарат Коминтерна, проходили тогда контакты с Сунь Ятсеном.

Впоследствии Чан Кайши, уже будучи единоличным лидером Гоминьдана и главой Китайской Республики на Тайване, станет утверждать, что неоднократно встречался с Троцким и имел с ним доверительные беседы («... в Москве я больше, чем с кем бы то ни было из других советских руководителей, встречался с Троцким»¹⁰). Документами частые и тем более единоличные контакты Чан Кайши с Троцким не подтверждаются. Скорее, Чан задним числом преувеличивал и свой политический вес на начало 1920-х, и значимость своего патрона для советских лидеров. Задokumentированы лишь факты «вручения т. Чичерину, Троцкому и Склянскому (зампред Реввоенсовета. — А.Ю.) проекта военных операций в Китае» 3 ноября¹¹ и часовой беседы делегации с Л.Д. Троцким 27 ноября.

Вместе с тем, эта поездка действительно имела важное значение для военного и политического строительства Гоминьдана. Во-первых, благодаря ей Сунь Ятсен смог получить представление о текущих намерениях¹² советской стороны по отношению к Гоминьдану без поправок на возможные искажения со стороны передаточных звеньев — советнической группы и полпредства. Во-вторых, посланцы Суня могли убедиться, что СССР действительно обладает достаточным военным потенциалом для того, чтобы оказать существенную помощь Гоминьдану. И в третьих, надо принять во внимание, что визит в Москву был переломным моментом в карьере Чан Кайши, деятельность которого стала оказывать серьезное влияние на судьбы Гоминьдана начиная с 1924 г.

Гоминьдановская литература, даже хроникально-описательного характера, создает ощущение некоей естественной предопределенности карьерного роста Чан Кайши в 20-е годы. Однако до поездки в Москву он не имел за плечами ни одной сколько-нибудь успешной и заметной самостоятельной акции. Ни в политических, ни в военных кругах серьезным авторитетом он не пользовался, несмотря на хорошее по тем временам для Китая специальное образование. В 1906 г. Чан Кайши стал курсантом артиллерийского класса Военной школы ускоренного обучения сухопутных войск (предшественницы Баодинской военной школы), а в 1907 г., заручившись государственной стипендией, поступил в японскую военную школу Сикан гакко. В 1908 г. по рекомендации деятеля антиманьжурской оппозиции Чэнь Цимэя Чан в Японии вступил в возглавлявшийся Сунь

Юркевич Александр Геннадьевич, кандидат исторических наук, доцент отделения востоковедения Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».

Ятсеном Объединенный союз. По окончании военной школы в 1910 г. он некоторое время проходил стажировку в японской армии на унтер-офицерской должности в качестве вольноопределяющегося.

После Учанского восстания 1911 г. Чан вернулся в Шанхай, где по протекции Чэнь Цимэя, ставшего генерал-губернатором Шанхая, со своим унтер-офицерским опытом сразу шагнул на должность командира полка революционной армии. В 1913 г. часть под командованием Чан Кайши, поддержавшая выступление Сунь Ятсена против президента Юань Шикая, предприняла неудачную попытку захвата шанхайского арсенала, Чан бежал в Японию. Впоследствии он принимал участие в осуществлении повстанческих проектов Суня: в июле 1916 г. в Шаньдуне занимался организацией Северо-восточного корпуса Китайской революционной армии в качестве начальника штаба корпуса, хотя успеха эта акция не принесла; в марте 1918 г. был назначен начальником оперативного отдела Главного штаба Гуандунской армии под командованием Чэнь Цзюньмина, в сентябре — старшим офицером штаба 2-й колонны. Однако основным его занятием в 1913—1922 гг. была игра на шанхайской бирже. В Шанхае он, по утверждению некоторых биографов, вступил в Цинбан («Синий клан») — мафиозную организацию. В январе 1922 г. в Гуйлине Чан Кайши присоединился к Сунь Ятсену, который в качестве главы военного правительства в Гуанчжоу — генералиссимуса — пытался осуществить Северную экспедицию для объединения Китая. Чан был назначен начальником штаба 2-го корпуса, но уже в апреле возвратился в Шанхай. В июне, узнав о совершенном военным министром правительства Сунь Ятсена Чэнь Цзюньмином перевороте, он срочно отправился в Гуанчжоу, присоединился к поредевшей свите Суня и сопровождал его в период нахождения на борту канонерки «Юнфэн» вплоть до отъезда в Шанхай¹³. Убедительная демонстрация верности помогла Чану войти в ближайшее окружение вождя.

Но военной и политической карьере Чан Кайши эта близость до поры помогала не слишком. Лишь в июне 1923 г., незадолго до направления делегации в Россию, Чан Кайши вступил в должность начальника штаба Главной ставки генералиссимуса. А уже меньше чем через месяц, обидевшись на формально подчиненных Сунь Ятсену, но фактически вполне самостоятельных генералов, не желавших принимать Чана всерьез, он подал в отставку¹⁴. Тем не менее это назначение дало основание Москве видеть в нем «главу Генерального штаба». На деле должность, на которой Чан так и не преуспел, по статусу с постом начальника Генштаба была не сопоставима. Генеральный, или Главный, штаб в общепринятом понимании — как орган оперативного управления вооруженными силами — отсутствовал в поддерживавшей Суня «союзной» армии, соединения которой были полностью автономны и игнорировали приказы ставки, если те не отвечали интересам их собственного командования. Характеризуя «союзную армию» даже почти два года спустя, тогдашний главный военный советник южнокитайского правительства В.К. Блюхер писал, что там вообще «штабов в нашем понимании не существует. Армейские штабы вместо правильно организованных отделов переполнены всякого рода советниками, безответственными исполнителями, ведущими работу от случая к случаю»¹⁵. С этой ситуацией с переменным успехом впоследствии пытались бороться советские военные специалисты.

После того как Чан Кайши 12 июля 1923 г. подал в отставку и уехал в Гонконг, он еще до отъезда в родную провинцию Чжэцзян, 13 июля, послал начальнику секретариата Сунь Ятсена Ян Шуканю письмо, в котором просил направить его в Россию — «поскольку младший брат (как он себя именовал в соответствии с традициями китайских тайных обществ и старых революционных организаций. — А.Ю.) полагает, что для меня, Чжунчжэна, не находится дела, которым я мог бы заняться»¹⁶. К тому времени Чан уже знал, что Сунь Ятсен принял предложение представителя Коминтерна Г. Маринга о направлении в СССР своей делегации¹⁷. Капризы оставшегося не у дел соратника в данном случае пришлось Сунь Ятсену весьма кстати.

5 августа 1923 г. Чан Кайши получил указание Сунь Ятсена направиться в Шанхай, чтобы обсудить с Марингом и рядом доверенных лиц генералиссимуса вопросы ор-

ганизации делегации для поездки в Россию¹⁸. 16 августа делегация — коммунисты Чжан Тайлэй и Шэнь Динъи, а также гоминьдановец Ван Дэньюнь, под руководством Чан Кайши, — отплыла из Шанхая. В Москву делегаты прибыли 2 сентября.

О невысоком уровне делегации можно судить уже по тому признаку, что в ее состав не входили сколько-нибудь значимые в иерархии Гоминьдана лица. За исключением Чана это были молодые люди, не достигшие и 30 лет. Чжан Тайлэй — один из немногих коммунистов, уже тогда вошедших в Гоминьдан на индивидуальной основе, был включен в делегацию, видимо, чтобы засвидетельствовать Москве верность Суня своим обязательствам относительно сотрудничества с КПК; к тому же Чжан был хорошо известен в Коминтерне, помогал посланцам Москвы налаживать контакты с Гоминьданом, владея английским и выступая в качестве переводчика. Шэнь Динъи, в то время близкий и к коммунистам, и к окружению Сунь Ятсена, существенной роли в Гоминьдане не играл и вошел в его руководящие органы только в 1924 г.¹⁹ Ван Дэньюнь был включен в состав делегации за знание английского языка и потом долго оставался функционером среднего звена²⁰.

Перечень мероприятий, в которых участвовала делегация, свидетельствует, что львиная их доля была посвящена обсуждению вопросов военной помощи Гоминьдану и ознакомлению с состоянием дел в Красной Армии. Поэтому второе распространенное в литературе название миссии Чан Кайши — «военная делегация Сунь Ятсена»²¹.

9 сентября, через неделю после прибытия в Москву, посланцы Суня были приняты зампредом Реввоенсовета Э.М. Склянским и главкомом РККА С.С. Каменевым. Делегация обратилась к ним с просьбой направить на юг Китая как можно больше инструкторов для обучения китайской армии, предоставить миссии Чана возможность ознакомиться с положением в РККА и обсудить с ней предлагавшийся Сунь Ятсеном (и, предположительно, составленный не без участия Чан Кайши²²) план военных действий в Китае.

Первые две просьбы возражений не встретили. На этом приеме Склянский предложил организовать в Советском Союзе специальные учебные заведения для подготовки китайских военных кадров: одно для старшего командного состава (около 30 чел.) в Петрограде или Москве, другое — среднее училище (на 500 чел., имеющих «небольшую военную подготовку») во Владивостоке или Иркутске. Делегатам обещали доступ на военные объекты²³.

Но военный план Суня, который Чан Кайши излагал в течение двух часов, энтузиазма у руководителей РККА не вызвал. Суть плана сводилась к тому, что «на территории, близлежащей к югу от Урги (совр. Улан-Батор. — А.Ю.), на границе Монголии с Китаем, создается новая армия Сунь Ятсена. В ее состав входят мобилизованные китайцы, живущие в местностях, граничащих с Монголией, Маньчжурией и Китаем (так в тексте — Маньчжурия фигурирует как отдельный от Китая регион. — А.Ю.). Здесь армия организовывается по образцу и подобию Красной Армии. Отсюда, т.е. из Южной Монголии, начинается наступление второй колонны (под первой колонной понималась южнокитайская «союзная армия». — А.Ю.)»²⁴. Склянский и Каменев, очевидно, знакомые с отрицательной оценкой Троцким чрезмерной военной активности Суня (эта оценка мало чем отличалась от позиции Политбюро, высказанной еще 8 марта 1923 г., разве только большей категоричностью в отношении милитаристских увлечений Сунь Ятсена²⁵), дипломатично предложили его посланцам «изложить этот план в письменном виде, разработав все детали операции, дислокации войск в настоящее время, политического положения в местах будущего района действий и т.д.»²⁶.

Примечательно, что ранее советская сторона вполне положительно относилась к намерению Суня проложить «северо-западный маршрут» китайской национальной революции и даже, видимо, внесла вклад в его разработку. В его обсуждении активно участвовал полпред СССР в Китае А.А. Иоффе, а решение Политбюро от 8 марта 1923 г. признавало «желательным заложить основу революционной армии в Западной Китае в форме целостной воинской единицы»²⁷. В характеристике Чан Кайши, представленной в докладной записке заведующего отделом Востока НКВД С.И. Духовского от 10 сентября 1923 г. чер-

ным по белому написано: «...Поддерживает *наш план* (курсив мой. — А.Ю.) операции на Севере Китая»²⁸. К осени 1923 г. мнение московского руководства насчет соответствующих проектов переменялось. Этому, видимо, способствовали сообщения советских эмиссаров о крайней организационно-политической слабости Гоминьдана и необходимости подвигнуть Сунь Ятсена на активизацию деятельности в данной области²⁹.

Кроме того, Москва опасалась вовлечения СССР в конфликт с державами. Уже в мартовском 1923 г. решении Политбюро, в целом одобрявшем план организации армии Сунь Ятсена в Синьцзяне, предполагалось «отвергнуть все те части плана, которые в какой бы то ни было степени чреватны интервенцией со стороны Японии»³⁰. Не могло устроить Москву и предложение использовать в качестве базы для китайских войск территорию Монголии, претендовавшей на независимость от Китая³¹.

Другие резоны по поводу нежелательности ситуаций, способных вовлечь СССР в прямые военные действия за рубежом, как утверждал Чан Кайши, изложил ему во время личной встречи Л.Д. Троцкий: «...после войны Советского Союза против Польши в 1920 г. Ленин дал новую директиву относительно подготовки мировой революции. Предоставляя колониям и полуколониям в их революционных войнах против капиталистического империализма максимальную моральную и материальную поддержку, Советская Россия... никогда больше не должна идти на интервенцию и применение собственных вооруженных сил. Такой отказ от интервенций в будущем, по его (Троцкого. — А.Ю.) словам, был вызван необходимостью избегать обременения Советской России столкновениями с национальным самосознанием в тех или иных странах. Троцкий заверил меня в том, что, за исключением непосредственной помощи своими войсками, Советская Россия сделает все возможное, чтобы помочь воплощению в жизнь планов Национальной революции в Китае, оказывая нам действенную экономическую поддержку и помощь оружием»³².

Готовясь к обсуждению некоторых аспектов этой помощи, миссия Чана знакомилась с возможностями Красной Армии. 11 сентября состоялась встреча делегации с главным инспектором Главного управления военного-учебных заведений РККА Г.И. Петровским, который рассказал гостям об организации Красной Армии³³. Самой существенной в этой беседе темой гоминьдановскому хронисту Мао Сычэну, в 1936 г. опубликовавшему летопись деяний Чан Кайши, показалась проблема партийного контроля за армией. Информация, полученная от Петровского, в его изложении сводится к следующему: в каждой части РККА парторганизация назначает неких «постоянных членов парткома» со значительными полномочиями — только с их подписью приказы вступают в силу. «Члены партии — от военачальников до бойцов — организованы в единое целое»³⁴, а в случае каких-либо затруднений они обращаются сначала к партийному руководству.

16 сентября (у Мао Сычэна — 17 сентября³⁵) делегация посетила 144-й учебный полк. Там новостью для нее оказался тот факт, что командир полка отвечает непосредственно за командование, «политическую сторону» и обучение личного состава, тогда как «воспитание духа» — задача комиссара («представителя партии» — *дан дайбяо*). Вечером того же дня делегация все увиденное обсудила с Марингом³⁶.

Отражающую дух эпохи обстановку, в которой проходил визит в воинскую часть, показывает докладная записка сопровождавшего делегацию ответственного сотрудника Главного управления военного-учебных заведений В.А. Луговского. Чан предполагал поехать туда в военной форме, но по совету Луговского переоделся в гражданское. Красноармейцам посещение было представлено как встреча с делегацией... китайского комсомола.

В ходе визита «по настоятельной просьбе ген. Чан Кайши» был организован митинг. «Первое слово было предоставлено ген. Чан Кайши. Перевод с китайского на английский произвел член делегации, а с английского на русский — мною (так в тексте документа. — А.Ю.), естественно с некоторыми изменениями в сторону более или менее официальной речи члена Коминтерна или КИМ, так как речь ген. Чан Кайши носила несколько откровенно-прямой характер»³⁷. Как можно понять, советское руководство считало китайскую миссию тайной и всячески скрывало от непосвященных ее характер:

«...Члены делегации, особенно Чан Кайши, склонны быть несколько откровенными среди военных и не принимают достаточных мер предосторожности. Их привычка и их вопросы выдают их как военных»³⁸. Но от самих членов миссии эти предосторожности ухитрились утаивать. Чан Кайши призвал красноармейцев и командиров к битве с капитализмом и империализмом до полного их уничтожения: «Мы революционеры, члены революционной партии Гоминьдан, мы военные, мы борцы. Мы тоже готовы умереть в борьбе с империализмом и капитализмом»³⁹. Сопровождающий отметил, что «ген. Чан Кайши говорил с большим подъемом, волновался, видимо, сильно и искренне переживая произносимые им фразы. Речь свою он закончил уже почти крича, руки его дрожали»⁴⁰. Читая высказывания самого Чана о посещении Советской России, в его «революционную искренность» поверить трудно. Понятно только, что необходимым будущему вождю ораторским мастерством он уже владел.

Речь Чана прерывалась аплодисментами, исполнением «Интернационала», ему столь же горячо, «но [более] или менее трафаретно» ответили комиссар и начполка. При выходе «комсомольцев» «слегка покачали и на руках вынесли к автомобилю». Следуя привычным для себя нормам этикетности, Чан Кайши потребовал лист бумаги, на котором изложил «по-китайски свое впечатление от посещения. Бумага без перевода осталась у комиссара»⁴¹, — не иначе, изрядно повеселив штабных.

Согласно хронике Мао Сычэна, 19 сентября во второй половине дня делегаты посетили 2-ю пехотную школу. 20 сентября они побывали в военно-химической школе, где ознакомились с действием боевых газов и средствами защиты от них, а 22 сентября — в «Высшей стрелковой школе» (видимо, на Высших командных курсах «Выстрел»). Там на них наибольшее впечатление произвели российские автоматы конструкции Федорова с магазином на 35 патронов. То обстоятельство, что Россия в плане военнотехнического прогресса способна конкурировать с Европой и США, тогда как Китай «терпит от них поражения», крайне расстроило Чан Кайши, отметил Мао Сычэн (что автомат был сконструирован еще до 1917 г., Чану, видимо, не сообщили). 27 сентября состоялись посещения военно-морских учебных заведений Петрограда и Кронштадта⁴².

К концу октября Чан Кайши, не получивший ответа на поданный 3 октября в письменном виде проект организации армии в Монголии, начал сильно нервничать. Это отметили аппаратчики НКВД. 1 ноября Чичерин направил письмо председателю Исполкома Коминтерна Г.Е. Зиновьеву (копии — И.В. Сталину, Л.Д. Троцкому, Л.Б. Каменеву), в котором наряду с предложением создать комиссию для решения вопроса о реорганизации Гоминьдана предлагал также уделить больше внимания «суньятсеновскому начальнику штаба», нервозность которого «доходит до крайней степени, он находит, что мы им совершенно пренебрегаем»⁴³.

В письме Чичерину от 2 ноября (копия Сталину) Троцкий писал: «Думаю, что надо внушить Сунь Ятсену и его агентам чрезвычайно решительно и твердо в корне ту мысль, что сейчас для них наступает длительный подготовительный период; военные планы, а следовательно и чисто военные требования, обращенные к нам, откладываются до прояснения положения в Европе и до завершения хоть некоторой политической подготовки в Китае»⁴⁴.

Позиция Троцкого легла в основу ответа, сообщенного миссии 12 ноября (согласно докладной записке М.И. Барановского), когда ее вновь приняли Склянский и Каменев. Склянский озвучил мнение Реввоенсовета, который рекомендовал Сунь Ятсену и партии Гоминьдан «направить все свои усилия на политическую работу в Китае, так как в противном случае всякая военная операция при существующих в настоящее время условиях будет обречена на неудачу... Вопрос политической подготовки является важнейшим для Китая в настоящее время. Правда, не следует забывать и военную работу, но к военным операциям в широком масштабе можно будет приступить только тогда, когда будет проделана большая политическая работа, будут подготовлены те внутренние факторы, которые значительно облегчат военные части работы»⁴⁵.

Попытки Чан Кайши объяснить, что политической деятельности Гоминьдана препятствуют иностранные империалисты, к тому же Гоминьдан уже усилил эту деятельность и считает нужным одновременно вести военные операции, встретили еще более категоричную отповедь: «...т. Склянский считает необходимым в ближайшие годы вести только политическую работу. Момент военных операций будет возможен тогда, когда внутренние условия будут достаточно благоприятны этому. Начать военные действия так, как об этом говорится в представленном проекте, означало бы авантюру, заранее обреченную на неудачу. Вместе с тем, одновременно с политической работой может вестись и военная подготовка. С этой целью Реввоенсовет считает возможным посылку китайских товарищей в Россию для размещения в военных учебных заведениях. В Академию Генерального штаба можно принять от 3 до 7 человек. В военное училище — от 30 до 50 человек»⁴⁶.

Чан Кайши предложил «увеличить количество командировок» гоминьдановцев в советские академии и училища по сравнению с предложенной советской стороной цифрой «за счет» военных школ, «которые должны быть открыты в Кантоне в результате переговоров представителя Сунь Ятсена в Пекине с т. Караханом (полпредом СССР. — А.Ю.)»⁴⁷. Это означало, что после создания школ в Китае их курсанты тоже могли направляться в СССР в дополнение к оговоренному числу командированных⁴⁸.

Кроме просьбы увеличить число китайских учащихся в военных учебных заведениях России, Чан Кайши никаких пожеланий, касающихся сотрудничества с Москвой, не высказал. Более того — советский сотрудник, сопровождавший делегацию, отметил, что после получения ответа Реввоенсовета «нервное состояние, в котором пребывала делегация с момента вручения плана и до второго свидания с т. Склянским, прошло чрезвычайно быстро». Чан Кайши, прежде наставлявший на двухнедельном санаторном отдыхе «вследствие нервного состояния, переутомления и т.д.», объявил, что чувствует себя значительно лучше. «Таким образом, китайцы были удовлетворены свиданием с т. Склянским»⁴⁹.

Реакция членов делегации Сунь Ятсена на отказ в основной, казалось бы, просьбе — о содействии в проведении военной кампании на Севере, говорит о том, что на реализацию этой «программы-максимум» китайцы и не очень рассчитывали⁵⁰. А вот «программа-минимум», похоже, была выполнена с избытком. Москва соглашалась принять «достаточное количество» учащихся в военные учебные заведения, внесла определенность в свою позицию относительно военных планов Суня, к тому же на встрече Склянский обещал делегации прием у Троцкого, состоявшийся 27 ноября.

Судя по изложению беседы, Лев Давыдович главным образом давал китайцам жесткие инструкции: «...партия Гоминьдан должна немедленно решительно и резко изменить курс своей политики. В настоящее время она должна все свое внимание сосредоточить на политической работе, доведя до необходимого минимума военную часть деятельности. Ваша военная работа не должна превышать одной двадцатой и ни в коем случае одной десятой политической деятельности... Все указания (курсив мой. — А.Ю.) тов. Троцкого сводились к тому, чтобы Сунь Ятсен и Гоминьдан как можно скорее отказались от военных авантур, направив все свое внимание на политическую работу Китая»⁵¹.

«Тов. Троцкому коротко ответил (курсив мой. — А.Ю.) председатель делегации генерал Чан Кайши. Он указал на трудность политической деятельности, так как империалисты всех стран жестоко подавляют всякую революционную пропаганду... Чан Кайши, расставаясь с тов. Троцким, сказал, что он солидарен с тем, что было сказано тов. Троцким, и что партия постарается провести в жизнь мнения русских товарищей. Он выразил надежду, что в скором времени освобожденный Китай станет членом Советских Социалистических Республик России и Германии»⁵². Этот апофеоз китайской дипломатии и, видимо, итог двойного перевода — с китайского на английский (его обычно осуществлял один из членов делегации, Чжан Тайлэй или Ван Дэньюнь), а потом на русский — вряд ли можно счесть отражением действительных представлений Чана или Сунь Ятсена об исторических перспективах китайской революции.

Делегации Чан Кайши довелось, помимо переговоров с Чичериным, встречи с секретарем ЦК РКП (б) Я.Э. Рудзутаком, посещения председателя ЦИК СССР М.И. Калинина и наркома просвещения А.В. Луначарского, поучаствовать также в заседании Исполкома Коминтерна 26 ноября 1923 г. Там Чан Кайши вновь получил возможность поупражняться в политико-дипломатической эквилибристике. Указав, что «политическими лозунгами для революционной работы в Китае должны быть не коммунистические лозунги, а лозунги «[образования] независимого Китая» и «народного правительства»», Чан всячески уверял вождей Коминтерна в убежденности гоминьдановцев в том, что «фундаментальная база мировой революции находится в России», и от имени Гоминьдана предлагал фантастический проект: «...чтобы Россия, Германия (конечно, после успеха революции в Германии) и Китай (после успеха китайской революции) образовали союз трех крупных государств для борьбы с капиталистическим влиянием в мире. С помощью научных знаний немецкого народа, успеха революции в Китае, революционного духа русских товарищей и сельскохозяйственных продуктов этой страны мы смогли бы легко добиться успеха мировой революции, мы смогли бы свергнуть капиталистическую систему во всем мире... Мы полагаем, что после трех или пяти лет первого этапа китайской революции, т.е. националистической революции в Китае, мы добьемся успеха и, как только мы одержим его, мы начнем второй этап, т.е. пропагандистскую работу под коммунистическими лозунгами»⁵³. Чан готов был пообещать даже участие Гоминьдана в мировой революции против власти капитала, лишь бы Сунь Ятсен получил помощь от России.

28 ноября президиум ИККИ принял Резолюцию по вопросу о национально-освободительном движении в Китае и партии Гоминьдан. Текст этого документа, с которым делегация была ознакомлена в тот же день, вряд ли мог встретить положительный отклик у Чан Кайши. Резолюция содержала прямые упреки в адрес Гоминьдана: эта партия не смогла довести до конца борьбу против феодализма — преимущественно потому, что, «не втянув в борьбу широких трудовых масс крестьянства и городского населения, она строила свои планы на возможности военных успехов»⁵⁴. Гоминьдану предлагались «правильная» интерпретация «трех народных принципов» Сунь Ятсена как «национализма, демократизма и «государственного социализма». Президиум ИККИ выражал надежду на то, что Гоминьдан будет поддерживать Компартию Китая, со стороны которой обещалась всемерное содействие Гоминьдану⁵⁵. Согласно Мао Сычэну, Чан Кайши сделал из резолюции вывод о том, что Гоминьдан не рассматривается Москвой как «дружественная партия»; но если он поставит «в центр всего мировую революцию», «укрепится изнутри и усилится с внешней стороны», и все это пройдет успешно, «то он может быть признан»⁵⁶.

29 ноября в 14 часов состоялся отъезд делегации из Москвы, а утром 15 декабря она прибыла в Шанхай.

В конце 50-х годов потерявший власть на континенте Чан Кайши уже в статусе президента Китайской Республики на Тайване опубликовал книгу «Советская Россия в Китае». В этом весьма тенденциозном, хотя и по-своему искреннем тексте, в котором автор пытался донести до читателя свое понимание целей и результатов советской политики в Китае, содержится немало довольно точных наблюдений и формулировок. Одна из них касается тех задач, которые Москва ставила перед китайскими коммунистами, подталкивая их к работе внутри Гоминьдана: «...во-первых, принять участие в китайской антиимпериалистической национальной революции, во-вторых, расколоть Гоминьдан на антагонистические фракции и, в-третьих, развернув «аграрную революцию», превратить борьбу за демократию в Китае в конфликт классов»⁵⁷. Чан в своей оценке опирался на анализ давних к тому времени событий. Но недоверие к Советской России он испытывал уже тогда, и переговоры в Москве его только укрепили.

Так, в период пребывания в СССР Чан Кайши возмущала позиция московского руководства относительно «Внешней Монголии», которую Сунь Ятсен и его последователи считали неотъемлемой частью территории Китая⁵⁸. Резюмируя впечатления, выне-

ишел к заключению, что консолидация власти в руках русских коммунистов таила бы себе опасность возрождения направленных против Китая вождедений царской власти. Таким случае они были бы в состоянии нанести Китайской Республике и нашей Национальной революции немалый вред»⁵⁹. О том, что в мемуарах он не слишком искажал мнение, которого придерживался в 1920-е гг., говорит его известное письмо Ляо Чжуню от 12 марта 1924 г. «Речам русских можно верить только на треть», утверждал Чан Кайши, «старший брат» (Ляо Чжункай) чрезмерно им доверяет. А между тем цель «русской партии» в Китае — привести к власти компартию, создать «советы» (т.е. «советы» государства) из маньчжуров, монголов, мусульман и тибетцев. Так называемый интернационализм и мировая революция, полагал Чан, — не более чем империализм, не выше английского, французского, американского и японского, действующий в пользу одной страны и во вред другим. Китайские коммунисты ругают других рабами американцев, англичан, японцев, а сами являются совершенными рабами России»⁶⁰.

И тем не менее у Чан Кайши хватило политической гибкости и холодного прагматизма, чтобы впоследствии использовать временное сотрудничество с Москвой и китайскими коммунистами на пользу и Гоминьдану, и собственной карьере.

Как отмечалось, до той поры Чан Кайши почти не имел возможности ярко проявить свои деловые качества. Да и его московские успехи внешне не выглядели слишком впечатляющими: из всех аспектов военной помощи делегация достигла договоренности с советской стороной, по сути, по единственному — о военном обучении китайцев в СССР. Руководил делегацией Чан Кайши в значительной мере номинально: члены миссии придерживались разных мнений по многим вопросам, а с ее руководителем солидарен был в основном Ван Дэньюнь⁶¹. Но перед советскими лидерами от имени делегации ступал именно Чан Кайши. Благодаря ему Сунь Ятсен получил нужную информацию, вождь Гоминьдана по достоинству оценил осторожность и дипломатичность обычно снисходительного Чана, его способность сдерживать себя в интересах дела. Из доклада Бородинского от 10 декабря 1923 г., следует, что к тому моменту Чан Кайши уже считался единственным кандидатом на пост руководителя военной школы, которую предполагалось создать в Гуанчжоу для подготовки офицерских кадров Гоминьдана: «Начальником школы назначен генерал Цзян (Чан Кайши. — А.Ю.), представитель Суня в Москве в настоящее время возвращающийся в Китай»⁶².

Однако до того, как стало известно об успешном завершении миссии в Москве, этот пост были и другие претенденты.

Первый проект создания военной школы в Гуанчжоу — тогда под названием Военного училища сухопутных войск (Луцзюнь цзяньгутан) — был принят уже 15 октября 1923 г. на проведенном Сунь Ятсеном совещании актива Гоминьдана⁶³. Раньше других пытался использовать возможные карьерные выгоды от проекта хунаньский генерал Цзянь, занимавший номинальный в тех условиях пост «военного министра» (начальника военно-административного отдела Главной ставки). Созданный им в предместьях Гуанчжоу Центральный учебный полк сухопутных войск (Чжунъян луцзюнь цзяодаоту) он переименовал в Военное училище сухопутных войск (Луцзюнь цзяньгутан) — в соответствии с октябрьскими решениями руководства Гоминьдана⁶⁴. По воспоминаниям о Хуэйсэна (в то время коммуниста, в 1925 г. — начальника политотдела школы Хуан-дун). Сунь Ятсен одно время уже было решено назначить Чан Цяня начальником школы, отсутствовавшего Чана и гуансийца Ли Цзишэня, дивизия которого входила в Гуандунскую армию, — заместителями начальника⁶⁵. Данная версия подтверждается и в мемуарах Тань Ичжи, выпускника 2-го набора Хуанпу⁶⁶. В воспоминаниях известного хуанска генерала Лю Чжи утверждается, что у Сунь Ятсена был и другой кандидат в кандидаты офицерской школы — главнокомандующий Гуандунской армии Сюй Чунчжи⁶⁷.

Но даже решение Сунь Ятсена в пользу Чан Кайши могло не дать последнему на этом посту тех полномочий, которые бы соответствовали его амбициям. За эти полномочия ему пришлось побороться.

Кандидатура Чан Кайши на пост начальника школы, предположительно, впервые была выдвинута 6 ноября 1923 г., на 58-м заседании партактива Гоминьдана. Это сделал в своем докладе Линь Цзухань (Линь Бошюй, суневский соратник со времен Тунмэнхуэя, с 1921 г. — член КПК)⁶⁸. Имя Чан Кайши в этом контексте фигурировало и на 10-м заседании Временного ЦИК Гоминьдана 26 ноября 1923 г., проходившем под председательством Сунь Ятсена, когда было решено учредить Офицерскую школу Национальной Армии (Гоминьцзюнь цзюньгуань)⁶⁹.

Однако известно, что 8 декабря 1923 г., когда Сунь Ятсен лично предложил Временному ЦИК кандидатуру малопопулярного Чан Кайши, многие деятели партии просили вождя принять на себя этот пост по совместительству, о чем в тот же день было принято решение 15-го заседания Временного ЦИК⁷⁰. Во вводной статье к сборнику документов по истории школы Хуанпу утверждается, что обязанности начальника школы (сяочжана) Сунь Ятсен возложил на себя⁷¹. В том же сборнике приводится сообщение газеты «Гуанчжоу Миньго жибао» от 3 января 1924 г. о том, что «изулли («премьер», титул лидера Гоминьдана. — А.Ю.) Сунь принял пост сяочжана»⁷². Такая подчиненность выводила школу из-под контроля правительственных и военных институтов, в которые входили в том числе влиятельные до времени, но ненадежные союзники Суня. Упоминание о Чан Кайши как о «начальнике школы» в декабрьском 1923 г. письме Бородина могло говорить лишь о том, что именно Чану предстояло непосредственно заниматься «текучкой», связанной с работой учебного заведения.

То, что школу должен был возглавить Сунь Ятсен, подтверждает и документ, опубликованный С.М. Уилбуром и Дж. Ляньин Хоу в английской версии: «Правила офицерской военной школы Национальной армии в Кантоне» («Regulations of the Military School for Officers of the National Guard of Canton»). Документ, по оценке этих исследователей, был создан в феврале-марте 1924 г. или раньше. В нем «главным начальником» (the Chief Principal) школы, предназначенной для подготовки пехотных офицеров, объявлялся генералиссимус, т.е. глава южнокитайского военного правительства. Его заместитель (Assistant Chief), или «второй по старшинству» (Second in Command), согласно «Правилам», подчинялся непосредственно генералиссимусу. Чан Кайши как раз и предстояло стать «вторым по старшинству»⁷³.

24 января 1924 г. Сунь Ятсен назначил его председателем комитета по подготовке к созданию Офицерской школы сухопутных войск (Луцзюнь цзюньгуань сюэсяо)⁷⁴. Однако Чан, почувствовавший свою нужность вождю, не склонен был мириться с доставшимся ему второстепенным статусом в школе. Именно обидой Чан Кайши Уилбур и Хоу объясняют его знаменитый демарш, когда в феврале он самовольно выдал выходное пособие набранным преподавателям и персоналу и выехал в Шанхай⁷⁵. Сам Чан впоследствии оправдывал свою отставку тем, что ощущал в российской стратегии даже большую угрозу, чем в западном колониализме, а колебания некоторых членов Гоминьдана под влиянием коммунистической пропаганды вызывали у него «дурные предчувствия»⁷⁶.

23 февраля Сунь Ятсен назначил временно исполняющим обязанности председателя комитета губернатора Гуандуна Ляо Чжункай и направил телеграмму Чан Кайши, напоминая ему о долге и отказывая в отставке⁷⁷. Не менее трех телеграмм Чан Кайши получил от Ляо Чжункай, вернувшись и «не огорчать» Сунь Ятсена призывал его и Дай Цзитао, которому был предложен пост начальника политотдела школы. Из Шанхая Чан отправился на родину, в уезд Фэнхуа пров. Чжэцзян, куда Сунь Ятсен специально посылал командующего Гуандунской армией Сюй Чунчжи, чтобы тот уговорил Чана вновь приступить к выполнению служебных обязанностей⁷⁸. Несмотря на отсутствие, Чан Кайши 21 марта был назначен председателем приемной комиссии. Упрямылся он до середины апреля.

Свое возвращение он потом объяснял настоятельными просьбами Сунь Ятсена, заверившего его в том, что Чан сможет «целиком посвятить себя делам школы, не выполняя более никаких партийных или правительственных обязанностей»⁷⁹. Поскольку в мае Чан Кайши вступил в должность сяочжана («начальника школы») ⁸⁰, а не «замести-

теля», вероятно, сыграли свою роль и изменения в штатном расписании. Хотя школа подчинялась непосредственно Сунь Ятсену, но возглавлял он ее в качестве *цзунли* — лидера Гоминьдана.

Именно пост *сяочжэна* и буквально вырванная у руководства Гоминьдана самостоятельность в распоряжении делами военной школы дали Чан Кайши возможность летом 1924 г. сделать следующий важный шаг к будущему карьерному взлету. Под видом «учебных» частей для подготовки унтер-офицеров он сформировал при Хуанпу два линейных пехотных полка — бригаду, обеспечившую ему базу для дальнейшего развертывания собственной армии. При этом Чан ухитрился, с одной стороны, воспользоваться помощью и поддержкой советников и Сунь Ятсена, с другой — не позволить советникам сделать новые части орудием «левых» сил, а Суню — бросить едва обученные подразделения в топку провальной Северной экспедиции 1924 г.⁸¹ Путь к этому и последующим успехам открыло перед Чан Кайши достойное выполнение дипломатической миссии в Москве.

1. Чжан Тайлэй (1899—1927) — в 1921 г. секретарь китайской секции Дальневосточного секретариата Коминтерна в Иркутске, в 1925—1927 гг. кандидат в члены ЦК КПК, в 1927 г. член ЦК КПК, кандидат в члены Политбюро ЦК КПК, секретарь Южного бюро ЦК КПК, секретарь Гуандунского комитета КПК. В декабре 1927 г. возглавил советское правительство в Гуанчжоу, провозглашенное во время поднятого коммунистами восстания, погиб в ходе его подавления.
2. *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае, 1924—1927 гг.: Документированный очерк. Документы. 2-е изд., доп. М., 1979. С. 27.
3. Там же.
4. *Мамаева Н.Л.* Коминтерн и Гоминьдан. 1919—1929. М., 1999. С. 58.
5. *Галенович Ю.М.* Два генералиссимуса: И.В. Сталин и Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши). М., 2008. С. 36.
6. Подробности пребывания делегации в СССР и содержание ее переговоров с советскими руководителями см., прежде всего, в сборнике: ВКП(б), Коминтерн и национально-революционное движение в Китае: документы. Т. 1. 1920—1925. М., 1994. С. 245—282. В Китае сведения о тех событиях впервые были опубликованы в 1936 г., в хронике: *Мао Сычэн.* Миньго шиу нянь ицян чжи Цзян Цзэши сяньшэн [Господин Чан Кайши до 15-го года Республики]. Б.м., 1936. Выдержки оттуда см., напр., в кн. Ю.М. Галеновича (Указ. соч.), а также в сборнике: Хуанпу цзюньсяо шиляо [Материалы по истории военной школы Хуанпу]. 1924—1927. Гуанчжоу, 1982. С. 12—13.
7. 8 марта 1923 г. Политбюро ЦК РКП(б) постановило: «...б) Признать желательным заложить основу революционной армии в Западном Китае в форме целостной воинской единицы. в) Признать возможным оказать денежную поддержку Сунь Ятсену в размере около двух миллионов мексиканских долларов. г) Признать необходимым посылку к Сунь Ятсену группы политических и военных советников...» (ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 206). В телеграмме Сунь Ятсену от 1 мая 1923 г. полпред А.А. Иоффе сообщал об этом решении Политбюро и уточнял, что 2 млн золотых рублей предполагается выплачивать долями в течение года, каждый раз не более 50 тыс. рублей. В телеграмме говорилось также о возможности поставки 8 тыс. японских винтовок, 15 пулеметов, четырех японских орудий и двух броневинов. Иоффе сообщал Сунь Ятсену и о готовности Москвы помочь в организации крупной воинской единицы на Севере или Западе Китая либо использовать советскую военно-материальную и инструкторскую помощь для создания в стране «не полевой части, а внутренней военной школы всех родов оружия». Цит. по: ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 159. Английский текст телеграммы см.: *Saich T.* The Origins of the First United Front in China: The Role of Sneevlet (Alias Maring). Leiden, 1991. Vol. 1. P. 526.
8. ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 278.
9. Там же. С. 308.
10. *Цзян Чжунчжэн (Чан Кайши).* Советская Россия в Китае: Воспоминания и размышления в 70 лет / Науч. ред. и вступ. ст. А.В. Панцова. 2-е изд., испр. и доп. М., 2009. С. 36.
11. ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 312—313.

12. В политику Москвы в отношении Гоминьдана в течение всего периода сотрудничества с этой партией вносились определенные коррективы, менялись объемы и формы советской помощи южнокитайскому правительству. Подробнее об этом см., напр.: *Юркевич А.Г.* Финансовая поддержка Моквой «партийной армии» Гоминьдана: проблема интерпретации источников // Пробл. Дальнего Востока. 2009. № 2; *Он же.* Советская помощь Гоминьдану в 1920-е годы: к вопросу о критериях оценки // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 6.
13. *Ван Юнцзюнь.* Хуанпу цзюньсяо сань бай чжуань [Жизнеописание 300 знаменитых генералов военной школы Хуанпу]. Наньнин, 1989. С. 742—743. Подробнее об этом периоде жизни Чан Кайши см.: *Ван Гуаньюань.* Цзян Цзэши цзаонянь [Ранние годы Чан Кайши]. Пекин, 2008.
14. Согласно сведениям из официальной биографии Чан Кайши, воспроизведенным и в биографиях, издающихся в КНР, он получил назначение начальником штаба Главной квартиры еще в феврале 1923 г. — *Ван Юнцзюнь.* Указ. соч. С. 742—743. Однако, по другим данным, этот пост он получил незадолго до своего прошения об отставке в июле 1923 г. и отъезда в Нинбо. См.: *Ли Цзюэ.* Хуанпу цзюньсяо чуанбань юаньци [Исходные причины основания военной школы Хуанпу] // Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо: цзинянь Хуанпу цзюньсяо 80 чжоунянь: сюэшу луньвэньци [Национальная революция и военная школа Хуанпу: сборник научных статей, посвященный 80-й годовщине военной школы Хуанпу]. Чанчунь, 2004. С. 123. Сунь действительно произвел это назначение 18 февраля 1923 г. (т.е. еще до прибытия в Гуанчжоу, где он объявился 21 февраля, и до официального учреждения Главной ставки, что произошло 1 марта). Однако Чан прибыл в Гуандун лишь в середине апреля и в его отсутствие генералиссимус вынужден был назначить на должность начальника штаба некоего Чжан Кайжу. По прибытии Чан Кайши вошел в свиту Сунь Ятсена, не имея конкретных обязанностей, и только 17 июня официально был поставлен начальником штаба. Но уже 12 июля он подал в отставку, жалуюсь на унижения и «травлю» со стороны генералов, игнорировавших его оперативные предначертания (*Ван Гуаньюань.* Указ. соч. С. 174—175).
15. В.К. Блюхер в Китае. 1924—1927 гг.: новые документы главного военного советника / Сост., отв. ред., авт. введения и примеч. д.и.н. А.И. Картунова. М., 2003. С. 138.
16. Цит. по: *Ван Гуаньюань.* Указ. соч. С. 176.
17. Там же.
18. Там же. См. также: Хуанпу цзюньсяо шиляо. С. 12.
19. Шэнь Динь (Шэнь Сюаньлю, 1892—1928) — член Гоминьдана с момента создания партии, в 1920—1921 гг. член шанхайского коммунистического кружка, главный редактор еженедельника «Синци пинлунь». Был членом провинциального собрания пров. Чжэцзян, т.е. земляк Чан Кайши. С 1924 г. — кандидат в члены ЦИК Гоминьдана. В 1925 г. примкнул к правым гоминьдановцам, выступавшим против сотрудничества с СССР и коммунистами. Убит в результате покушения. Примечательно, что в конце 1923 г. в аппарате НКВД Шэня считали вышедшим из КПК гоминьдановцем (ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 261), а член руководства КПК Цюй Цюбо видел в нем коммуниста, «организатора», хотя и «оторвавшегося от работы в партии» (там же. С. 346—348).
20. Ван Дэньюнь (1897—1977) занимался журналистикой, преподавал в университете в Шанхае, в 1925-1926 гг. работал в секретариате военной школы Вампу (Хуанпу), впоследствии занимал различные посты в военно-политическом аппарате и Гоминьдане. Краткую характеристику членов делегации сотрудником НКВД см.: ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. Там же. С. 261.
21. «Военной делегацией» миссия именовалась и в ряде советских документов 1923 г. См., напр.: ВКП(б), Коминтерн...
22. *Галенович Ю.М.* Указ. соч. С. 65.
23. *Картунова А.И.* В.К. Блюхер в Китае. С. 22—27; ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 258, 281.
24. ВКП(б), Коминтерн... Т. 1. С. 260.
25. См.: Там же. С. 278—279.
26. Там же. С. 260.
27. Там же. С. 206.
28. Там же. С. 261.
29. См.: там же. С. 277—278.
30. Там же. С. 206.
31. Троцкий, убеждая делегацию в необходимости упора на организационную работу, прямо заяв-

- сможет начать военные действия не из Монголии, как об этом указывается в представленном Реввоенсовету меморандуме, а на территории своей собственной страны». (ВКП(б), Коминтерн... Т. I. С. 306).
32. *Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 37. На самом деле Троцкий говорил о том, что в случае прямого военного вмешательства со стороны России Сунь Ятсен будет восприниматься китайской общественностью как одна из иностранных марионеток. ВКП(б), Коминтерн... Т. I. С. 306.
33. В хранящемся в фондах РГАСПИ перечне мероприятий, в которых участвовала делегация, указание на эту встречу почему-то отсутствует. См.: Там же. С. 312—313.
34. Цит. по: Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 12.
35. Там же.
36. Там же. С. 12—13.
37. ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 263.
38. Там же. С. 264.
39. Там же.
40. Там же.
41. Там же.
42. Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 13. Датировки, представленные в хронике Мао Сычэна, по неясной причине не вполне совпадают с теми, что даны в итоговой докладной записке сопровождавшего делегацию переводчика отдела Дальнего Востока НКВД СССР М.И. Барановского от 5 декабря 1923 г. Там под «14, 15, 16, 17-го» сентября значится: «Знакомство с Красной Армией. Посещение 144 пехотного полка, военных учебных заведений и воздушного флота»; под 20—30 сентября — «пребывание в Петрограде и Кронштадте. Знакомление с морским флотом и военными учебными заведениями». Из «военной программы» визита оставались еще упоминавшееся вручение Чичерину, Троцкому и Склянскому проекта военных операций Гоминьдана 3 октября и повторное свидание со Склянским и Каменевым 11 ноября (согласно другой докладной записке того же Барановского — 12-го), когда делегации был вручен ответ Реввоенсовета на военный проект лидера Гоминьдана. См.: ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 279, 312—313.
43. Там же. С. 277—278.
44. Там же. С. 278—279.
45. Там же. С. 280.
46. Там же. С. 281.
47. Там же.
48. Хотя впоследствии военную подготовку в России довелось проходить главным образом китайским коммунистам, там учились и посланцы Гоминьдана. В декабре 1925 г. Политсовет ЦИК Гоминьдана принял решение о том, что треть из ста студентов, отобранных для направления на учебу в Москву, должны составлять военные. Для военной школы Хуанпу, созданной с советской помощью и возглавленной Чан Кайши, была выделена квота в 15 чел., к ним добавлены 25 из других военных школ. Первая группа курсантов из 22 чел. была направлена 5 декабря, вторая — 17-го. С февраля 1926 г. группы молодежи из Гуанчжоу неоднократно направлялись решением Политсовета на учебу в Советский Союз. (Wilbur C. Martin, *How J. Lian-ying*. *Missionaries of Revolution: Soviet Advisors in Nationalist China, 1920—1927*. Camb.; L., 1989. P. 193.). Подробно об условиях и характере обучения кадров КПК и Гоминьдана в России см.: *Спичак Д.А.* Китайский авангард Кремля. М., 2012. В СССР проходили обучение будущие гоминьдановские генерал-лейтенанты: Хэ Чжунхань, который, однако, занимался идеологической работой, Кан Цзэ — руководитель чанкайшистских разведывательных-диверсионных служб, Дэн Вэньи — политработник, политорганизатор, дипломат и партийный деятель, а также Янь Чун, который после 1927 г. в основном подвизался в качестве политика провинциального уровня. См.: *Ван Юнцзюнь*. Указ. соч. С. 88—86, 266—269, 589—592, 719—723. Нельзя не указать и сына Чан Кайши Цзян Цзинго — будущего лидера Гоминьдана, уже в 40-е годы ходившего в генеральских чинах.
49. ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 282.
50. Хотя именно эту задачу некоторые исследователи считают для Сунь Ятсена в то время основной. Так, Го Хэньюй полагает, что Чан Кайши «не выполнил главную задачу: согласовать с руководством российской компартии, как заручиться поддержкой и помощью России в осуществ-

- национально-революционном движении в Китае: военный аспект (1923 г. — июль 1927 г.). М., 2000. С. 36.
51. ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 306—308.
52. Там же. С. 308.
53. Цит. по: Там же. С. 298—300.
54. ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 309.
55. Там же. С. 308—311.
56. См.: Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 13.
57. Цит. по: *Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 235.
58. См.: ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 346—347; *Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 36.
59. Цит. по: *Цзян Чжунчжэнь (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 38.
60. Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 30—31; *Юрьев М.Ф.* Революция 1925—1927 гг. в Китае. М., 1968. С. 37.
61. ВКП (б), Коминтерн... Т. I. С. 346—348.
62. Там же. С. 339—341.
63. Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 23; *Ли Цзикуа*. Указ. соч. С. 123.
64. *Ли Цзикуа*. Указ. соч. С. 123—124.
65. См.: Там же. С. 127—128.
66. Там же. С. 128.
67. *Ли Цзикуа*. Указ. соч. С. 123; *Ван Гуанъюань*. Указ. соч. С. 175.
68. *Ли Цзикуа*. Указ. соч. С. 124; *Ли Ао, Ван Жуцзю*. Цзян Цзэши пинчжуань [Критическая биография Чан Кайши]. Т. I. Синин, 1999. С. 91.
69. *Ли Цзикуа*. Указ. соч. С. 125.
70. Там же. С. 128.
71. Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 2.
72. Цит. по: Там же. С. 24.
73. *Wilbur C.M., How J. Lian-ying*. Op. cit. Doc. 4. P. 491—493.
74. Известное впоследствии название — Офицерская школа сухопутных войск Гоминьдана Китая (Чжунго Гоминьдан луцзюнь цзюньгуань сюэсяо) вошло в оборот с легкой руки Чан Кайши, который таким образом подчеркивал «партийный» статус возглавлявшегося им учебного заведения (*Ли Цзикуа*. Указ. соч. С. 126-127).
75. *Wilbur C.M., How J. Lian-ying*. Op. cit. P. 96. Современники и историки по-разному истолковывают этот шаг. Его причина усматривается как в персональных амбициях Чан Кайши, так и в истерике из-за нехватки денег на подготовительную работу, в опасении «ловушки» со стороны коммунистов или конфликта с генералами, в ссоре с командующим Гуандунской армией Сюй Чунчжи, в недовольстве высказываниями русского советника о революции и т.д. (Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 32, 61); *Вишнякова-Акимова В.В.* Два года в восставшем Китае, 1925—1927. 2-е изд. М., 1980. С. 132; *Черепанов А.И.* Записки военного советника в Китае. 2-е изд. М., 1976. С. 99; *Хэ Сяньин*. Хуэйи Сунь Чжуншань юй Ляо Чжункай [Воспоминания о Сунь Ятсене и Ляо Чжункае]. Пекин, 1957. С. 17. О том, что демарш Чана был вызван нехваткой денег, см. также: *Ли Фэн*. Хуанпу цзюньсяо цзюдаотуаньдэ цзюцзюань цзи цзаоди жэньши фэньси [Организация учебных полков при школе Хуанпу и анализ положения с личным составом в начальный период] // *Гоминь гэмин юй Хуанпу цзюньсяо: цзинянь Хуанпу цзюньсяо 80 чжоунянь: сюэшу лунвэньцзи*. Чанчунь, 2004. То, что Чан Кайши должен был стать заместителем Сунь Ятсена, отмечалось также в первом издании мемуаров А.И. Черепанова (*Черепанов А.И.* Записки... М., 1964. С. 85).
76. *Цзян Цзэши (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 40.
77. Хуанпу цзюньсяо шияло. С. 28.
78. Диицы гогун хэцзо шицидэ Хуанпу цзюньсяо [Военная школа Хуанпу первого периода сотрудничества Гоминьдана и КПК]. Пекин, 1984. С. 27.
79. *Цзян Цзэши (Чан Кайши)*. Указ. соч. С. 41.
80. *Ван Юнцзюнь*. Указ. соч. С. 4.
81. Подробнее об этом см.: *Юркевич А.Г.* Строительство «партийной армии» Гоминьдана в 1920-е годы: взаимодействие доктрин и стратегий // *Китай: поиск гармонии: к 75-летию академика М.Л. Титаренко*. М., 2009.